

Ю.С. Шулякина

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ОСОБЕННОСТЯМ ХАРАКТЕРА И ПОВЕДЕНИЯ, В ГОВОРАХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ

В последние годы в разных областях лингвистической науки наблюдается активизация принципа антропоцентризма, усиление внимания к проблемам языковой, в том числе диалектной, картины мира и национального своеобразия языкового отображения действительности. Очевидна в этой связи особая роль описания народных говоров как одного из феноменов национальной культуры и второго по значимости (после литературного языка) средства общения значительной части русского населения страны.

Цель нашей статьи – рассмотреть собственно диалектные наименования, характеризующие человека по особенностям характера и поведения, в говорах Ивановской области и сопредельных областей: 1) по интеллектуальным способностям, эмоциональному состоянию и речевому общению; 2) по отношению к нормам нравственности. Основным источником исследования являются материалы словарной картотеки по теме «Человек», которая хранится на кафедре русского языка и методики преподавания Ивановского государственного университета, отражает современное словоупотребление и лексический состав ивановских говоров второй половины XX – начала XXI вв., а также данные Л.П. Батыревой [1]. Для выявления своеобразия лексики говоров Ивановской области, общих и отличительных черт в сравнении с говорами сопредельных областей и других регионов Европейской части Российской Федерации мы обратились к Словарю русских народных говоров [6], Ярославскому областному словарю [8], материалам Н.С. Ганцовской [2] и данным словарной картотеки ЛАРНГ [4]. Предпочтение, отданное дифференциальному подходу к описанию лексики говоров, позволяет выявить своеобразие языковой картины мира представителей русского языкового

социума, в нашем случае сельских жителей Ивановского края и соседних областей. Ограниченные целью и объемом статьи, мы существенно сужаем исследуемые группы наименований, в качестве примеров рассматривая только лексические единицы, относящиеся к севернорусским говорам.

Наши материалы содержат следующие слова, характеризующие человека по его интеллектуальным способностям и представляющие оппозицию лексем: *ветля́ный, ву́мный, дога́да, доде́льный, ду́мный, замы́слитый, куме́кливый, мозга́стый, разу́мливый, смекли́вый, у́шлый, умня́шечка* – ‘умный, сообразительный человек’ и *безвале́тный, бестолку́ша, благуто́нный, гара́нька, глумно́й, глумнова́тый, гого́на, голова́ как шабала́, ду́рбень, ду́рье по́ле (как дурье поле), дуркова́тый, дуры́нда, конова́ловая, неде́льный, пая́ка, ту́пень, туп как ва́ленок, чалдо́н, шаромы́жник* – ‘глупый, несообразительный, ненаходчивый человек’.

В русских народных говорах широко представлено слово *ветля́ный* в значениях ‘приветливый, ласковый; милый; общительный’ Волог., Вят., Олон., Перм., Свердл., ср.: *У ветляного хозяина веселее быть в гостях.* Волог.; ‘живой, подвижный, расторопный’ Яросл., Орл., Забайк., Олон., ср.: *И где была ты, наша ли ветляная нешутушка, где заплакала ты свои ясны очушки?* (песня). Яросл.; ‘человек расхожий, удалой’ Вят. [6, т. 4, с. 196]; в ивановских говорах – ‘способный, бойкий, сообразительный’, ср.: *Он ветляный мальчишка-то.* Пуч. [1, с. 18].

В речи жителей села Парское Родниковского района отмечено употребление семантического деривата *гара́нька* ‘недалекий, глупый человек’, возникшего на основе антропонима, ср.: *Был Ванька – гаранька. – Почему гаранька? – Потому что глупый* (Родниковский р-н). Зафиксированное также в новгородских говорах нарицательное существительное общего рода *гаранька* является прозвищем и восходит к имени собственному Гарасим (Герасим) [6, т. 6, с. 137]. В русских народных говорах многочисленны факты деривации на базе личных имен, ср.: *вави́ла* ‘о неповоротливом, неуклюжем, медлительном человеке’ [8, т. 2, с. 44], *варва́ра* ‘любопытный человек’ [8, т. 2, с. 48], *матрё́на*

‘о неряшливой женщине’ Свердл. [6, т. 18, с. 35], *ули́та* ‘неопрятный человек’ [8, т. 10, с. 13], *устю́шка* ‘ловкий, пронырливый человек’ [8, т. 10, с. 21] и др.

В Приволжском районе отрицательная оценка глупого человека передается устойчивым выражением *голова́ как шабала́*, ср.: *Раньше у нас в деревне парень один ходил, так как он пройдёт, а бабы ему: «Эх, голова у тебя как шабала, вся в дырках, пустая»*. Прив. [1, с. 133]; *Голова без ума шабала* [3, т. 4, с. 694]. По-видимому, переносное значение для характеристики лица по его умственным качествам возникло у слова на основе наименования предмета – *шабала́*, ср.: *Шабала такая в виде большого совка с дырками, и ручка длинная у его, чтоб угли из печи доставать*. Прив. [1, с. 133]. Общим признаком, сближающим разные значения, является наличие пустоты: внешней и внутренней (неспособности мыслить). Лексема *шабала* ‘голова’ бытует и в костромских, ярославских говорах, ср.: *Сидим, бывало, шабола к шаболе на печке* [2, с. 87]; *Я тебя вот ботну ковшом по шабале* [8, т. 10, с. 67].

Известное ивановским и ярославским говорам слово *чалдо́н* в значении ‘о глупом, упрямом человеке’ [8, т. 10, с. 47] образовано за счет метафорического переноса с названия лица по географическому происхождению ‘коренной житель Сибири’ с пометой *обл.* [5, т. 4, с. 652] на человека с теми или иными свойствами натуры, ср.: *Чалдоном называют тупого, недалекого ума человека, типа простофили*. Шуйск., Ив., Пест.; *Чалдон – это упёртый такой человек, его ничем не сопрёшь*. Кин., Шуйск. [1, с. 129]. Чалдоны (челдоны) считаются истинными сибирскими старожилками, потомками первых засельщиков новых земель, первопроходцев. Их отличали такие качества, как упорство, настойчивость, твердость духа и смелость, предприимчивость при одновременной диковатости, угрюмости, грубоватости.

Лексическое множество, характеризующее человека по его эмоциональному состоянию, представлено оппозицией лексем: *веселу́шка*, *гомону́к*, *заводи́ло*, *зате́йник*, *лю́тый*, *поте́шник*, *смею́шка*, *чу́дик* – ‘веселый человек, весельчак’ и *грустли́вый*, *жмурно́й*, *зану́да*, *квё́лый*, *насу́пистый*, *неврте́нек*, *смурно́й*, *хмурно́й* – ‘невеселый, грустный’; *брюзга́*,

во́йка, вяза́, гнуса́, кила́, мокри́ца, мокрощё́лка, мокру́ша, нудли́вый, ны́тик, нить, ре́вушка, рыда́лица, стону́чка, хны́кса – ‘плакса, плаксивый’.

В качестве наименования веселого человека в ивановских говорах употребляется существительное *гомони́к*, ср.: *Но добрый и весёлый, гомоник* (Тейковский р-н), встречающееся в ярославских говорах с разной семантикой – ‘неспокойный человек’, ‘веселый, живой ребенок’, ‘разговорчивый человек, говорун’ [8, т. 3, с. 94]. Рассматриваемая лексема восходит к многозначному глаголу *гомони́ть*: ‘хохотать’ – псковские, смоленские, калужские, воронежские говоры; ‘плакать, кричать’ – калужские; ‘громко говорить, разговаривать’ – смоленские, курские, орловские, брянские, калужские, псковские говоры [6, т. 6, с. 355]. Во всех этих значениях, как видим, актуализируется семантический компонент ‘громко, во весь голос’.

В Лухском и Юрьевоцком районах зафиксирована лексема *квё́лый* ‘невеселый, грустный’. По данным СРНГ, в рязанских и тамбовских говорах это слово является наименованием плаксивого человека, недотроги, а в пензенских, смоленских, ярославских, тверских, московских, новгородских, свердловских употребляется по отношению к болезненному, слабому, хилому человеку, ср.: *Уж больно он квёлый, всё время больной* [6, т. 13, с. 165-166]. Соединение в одной лексеме нескольких семантических компонентов вскрывает причинные отношения между характеристиками человека, выявляет зависимость одного признака от другого: невеселый, грустный, потому что нездоровый, больной.

В ивановских говорах существует слово *насу́пистый* ‘угрюмый, мрачный’, мотивированное глаголом *насу́питься* ‘сдвинув, нахмутив брови, принять суровый, неприветливый вид’ [5, т. 2, с. 403], ср.: *Но невесёлый он был, насупистый* (Тейковский р-н). Данная лексема бытует в костромских, вологодских, тверских, тульских, саратовских, курских, волгоградских говорах, ср.: *Фу, какой насупистый* (Костромская обл., Судиславский р-н), наряду с такими словообразовательными синонимами, как *насу́пливый* (Курская обл., Тимский р-н), *насупы́ристый* (Курская обл., Черемысиновский р-н), *насупу́ренный* (Орловская обл., Залегощенский р-н) [4].

Лексическое множество, характеризующее человека по речевому общению, представлено оппозицией лексем: *баку́льник, балабо́листый, баля́, баля́ка, баля́сник, бололо́, мололо́, трандычи́ха (трындычи́ха), трё́кало, трепу́ха, чеса́ло* – ‘болтливый, словоохотливый человек’ и *молча́льница, немты́рь* – ‘молчаливый, замкнутый человек’.

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов относятся отглагольные существительные общего рода *баля́, баля́ка*, называющие любящего поговорить, болтливого человека, ср.: *Она как баляка, только бы поговорить с кем. Встретит кого, остановит, и болтают. Не зря прозвали её Валя-баля.* Шуйск. [1, с. 9]. Ранее (в конце XIX – начале XX вв.) во владимирских и ивановских говорах слово *баля́* употреблялось с противоположной семантикой ‘о глухонемом человеке’, ср.: *Он у неё балей растёт.* Иван. [6, т. 2, с. 90]; в ярославских говорах слово *баля́ка* означает неряшливого, неопрятного человека [8, т. 1, с. 33].

Лексическое множество ‘болтливый, словоохотливый человек’ вступает в антонимические отношения с подгруппой ‘молчаливый, замкнутый человек’, представленной диалектными существительными – *немты́рь* ‘молчаливый человек, молчун’, *молча́льница* ‘молчунья’ (во владимирских говорах – ‘скромница’ [6, т. 18, с. 248]), ср.: *Немтырь – тот, кто молчит и молчит* (Шуйский р-н). Слово *немты́рь* мотивировано прилагательным *немо́й*, употребляющимся в говорах в значении ‘молчаливый’ [6, т. 21, с. 84], и отмечено с различной семантикой: в орловских, вологодских, пермских говорах – ‘немой, глухонемой человек’, в костромских, вологодских, ярославских – ‘о человеке, неотчетливо, невнятно говорящем, косноязычном’, в вятских – ‘о зайке’ [6, т. 21, с. 87]. Следует отметить, что в ивановских говорах данная лексема не именует лицо по физиологическим особенностям, а оценивает внутренний мир человека и его характер.

В ивановских говорах представлены номинации человека по таким основным чертам характера, обуславливающим особенности поведения, как хитрость, льстивость, упрямство, спесивость, жадность, зависть, злость,

трусость, предрасположенность к шалостям и озорству, легкомысленность, развратность. Значительный по объему ряд слов имеет значение ‘тот, кто много пьет, пьянствует’. В данной статье мы рассмотрим лексико-семантическую группу слов, характеризующих человека по отношению к нормам нравственности: *лиходе́йка*, *распана́й*, *шату́н*, *шату́шка* – ‘распутник, распутница’.

Лексема *лиходейка* зафиксирована в ивановских говорах в значении ‘женщина, отбивающая у других мужей’, ср.: *Самогоночку не пью, Боюся заболтаюся, С лиходейкой не сажусь, Боюся разругаюся* (из фондов Историко-краеведческого музея г. Юрьевца), в ярославских, вологодских – ‘соперница’ [6, т. 17, с. 78]. Отрицательная семантика наименования связана с глаголом *лиходе́йствовать* (*лиходе́йничать*, *лиходе́ить*) ‘делать зло, вредить’ [3, т. 2, с. 335].

К разряду стилистически сниженных, отрицательно-оценочных слов также относится существительное общего рода *шату́шка* ‘распутник, распутница’, ср.: *Не знаешь ты будто, какая эта Светка шатушка, с ней уж половина наших мужиков перебыла* (Юрьевецкий р-н, д. Щекотиха). Наряду с ивановскими, костромскими, рязанскими говорами, в которых слово *шатушка* номинирует распутную, развратную женщину, в ярославских оно актуализирует дополнительную сему ‘тот, кто любит гулять; гуляка’ [8, т. 10, с. 71].

Наблюдения над функционированием лексики в говорах Ивановской области и сопредельных областей (на примере наименований, характеризующих человека по особенностям характера и поведения) позволили убедиться в количественном преобладании лексических единиц с отрицательной оценкой над лексемами с положительной оценкой, что демонстрирует особенность диалектной языковой картины мира: номинировать явления, связанные с отклонением от нормы, и выражать в слове отношение к обозначаемой реалии. Обилие в описании человека наименований с негативным содержанием позволяет сделать вывод о том, что в отрицательной оценке различных качеств лица содержится скрытый образ идеального человека. Во всем, что оценивается

диалектоносителями со знаком минус, проявляется стремление видеть такого человека, который не имеет недостатков. Сопоставление лексики ивановских говоров с данными диалектных словарей, содержащих сведения о говорах соседних областей и других регионов Европейской части Российской Федерации, выявило многочисленные междиалектные лексические параллели и отразившуюся в них общность мировосприятия диалектоносителей (преимущественно жителей Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской областей), что объясняется культурными связями ивановцев и близостью границ Ивановской области с указанными регионами.

Список использованной литературы

1. Батырева Л.П. Лексика ивановских говоров: учебные материалы. – Шуя: Издательство ГОУ ВПО «ШГПУ», 2009. – 139 с.
2. Ганцовская Н.С. Особенности говоров Костромской области: учебное пособие. – Кострома: КГПИ, 1992. – 95 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – СПб., 1903.
4. Картотека ЛАРНГ: словарный отдел Института лингвистических исследований РАН. – СПб.
5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд. Т. 1-4. – М., 1985-1988.
6. Словарь русских народных говоров. Т. 1-43. – М., Л., СПб., 1965-2010.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М., 1986-1987.
8. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1-10. – Ярославль, 1981-1991.